

На Невском, у Литейного, постоянно толпились одни и те же компании ребят. А на углу Садовой и Невского были уже другие компании. Тогда не сидели в кафе, тогда топтались на Невском, гуляли по Невскому, шли «прошвырнуться», встречая знакомых, приятелей... Я пытался вспомнить язык тех лет, и вдруг оказалось, что не так-то это просто. Никто толком не записывал те словечки, и песни тех лет, и всякие истории и легенды, которые ходили по городу. В песенном нашем репертуаре отражалось время, ещё взбаламученное, где всё переплелось, соседствовало — романтика Гражданской войны, блатное, пионерское и нэповское: «Юный барабанщик» и «Вот умру я, умру, и не станет меня», «Там вдали, за рекой, догорали огни» и «Кирпичики». Распевали песни из первых звуковых фильмов: «Златые горы», «Встречный», «Путёвка в жизнь»...

Одна Лиговка чего стоила с её жаргоном, её героями. Лиговка — обиталище гоп-компаний. Обводный канал с его барахолками. А первые танцзалы, первые Дворцы культуры — Выборгский, Нарвский... В этом городе шла жизнь, не похожая на нынешнюю. Носились мальчишки-газетчики с «Вечерней Красной газетой», на дачу уезжали в Сестрорецк или Тарховку. Не было ни метро, ни троллейбусов. Было много деревянных домов, которые в блокаду разбирали на дрова... Нет, это был во многом другой город, черты его утрачены, а жаль, потому что всегда хочется иметь фотографии своей молодой жизни.

Или возьмите мостовую, составленную из деревянных чёрных шашек-торцов. Ими была вымощена Моховая улица, даже Невский проспект. Ну как в музее передать звонко цокающий звук подков по сухой торцовке? Как повторить смолисто-дегтярный запах, что курился в летнюю жару на улицах, выложенных просмоленными шашками, запах, напоминающий мне лесосеки, где работал отец, смолокурни, добычу живицы¹? Осенью торцы становились осклизлыми, лошади шли по ним бесшумно.

Одни вещи исчезают вместе со своими названиями, поскольку названия не живут сами по себе, осиротелые. Другие вещи отдают свои названия. Холодильник был ещё во времена Пушкина — ведёрце со льдом, куда ставили бутылки вина.

И теперь в хороших ресторанах подают такое ведёрце. Но его уже не называют холодильником. Имя это отобрал себе электрический холодильник. Что такое «пресс-папье»? А то ещё — «клякспапйр»¹? Многие не знают этих слов, пресс-папье не продаются, не употребляются, нет и названия такого. Пресс-папье сейчас ни к чему, ибо чернилами не пишут. Раньше же повсюду имелись пресс-папье: на почте, в конторах, в институтах на всех письменных столах стояли десятки, наверное, даже сотни тысяч простеньких, дешёвых, массивных, дорогих, каменных, художественных, отделанных бронзой; все они полукруглые, снабжённые розовыми, белыми промокашками, ими сушили — промокали написанные бумаги.

У моей мамы были щипцы для завивки волос. Щипцы нагревали на огне, затем накручивали на них волосы. Это было самое распространённое женское оборудование. Такое же, как позднее бигуди. Эти щипцы стали электрощипцами.

А самовар стал электросамоваром, утюг — электроутюгом, лампа перешла от керосиновой к электрической... Город 30-х годов. За ним последовал город войны, блокады, город 40-х годов, тоже чьё-то детство. Недавний Ленинград уже кажется трогательным и наивным, расцвеченным колдовским туманом детских воспоминаний. Какими предстанем там мы, взрослые и пожилые? Как подсмотреть будущие воспоминания о Петербурге XXI века? Его вещах, звуках, домах?

Незаметно, украдкой детская память творит их из наших слов, наших улиц, из нас самих. Они могут выплыть благодаря какой-нибудь ерунде — песенке, подстаканнику — в пыльной невнятице случайных находок, через десятки лет.

Зеркала будущего отразят вещи нашего обихода с праздничной растроганностью.

В музее отживших вещей наш потомок наткнётся на мотоцикл, сверкающий древним никелем, положит руки на рогатый руль... Смутная грусть передастся ему от извечной невозможности понять ушедшее.

Город 30-х годов сохраняется памятью бывших мальчишек и девчонок. В этом заповеднике он акварельно обольстителен. Там всегда сияет жёлтое солнце с толстыми лучами и идут демонстрации. На самом деле этот город не был так хорош, но есть в нём черты узнаваемые, неповторимо пылкие. Воодушевление и зов... С тех пор прошло много лет. Город стал куда красивей, богаче, поздоровел, раздался в плечах. Почему же мы вновь и вновь вглядываемся в его облик, отыскивая в нём прежде всего то, совсем не такое уж благополучное и тем не менее счастливое, прошлое?..

(По Д. А. Гранину*)

Даниил Александрович Гранин (1919-2017) — российский советский писатель, киносценарист, общественный деятель.